
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 316.32

ББК60.52

DOI 10.22394/1682-2358-2021-2-88-103

V.Yu. Cheremnykh, *Candidate of Sciences (Pedagogics), Doctor of the Sociology and Social Policy Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

L.S. Yakovlev, *Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology and Social Policy Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

FORECASTING ACTIVITIES REFLECTIVE FUNCTION IN A SYSTEMIC CRISIS

Issues of the predictive activity methodology regarding changes in self-identification practices of societies are analyzed. A genetic approach to understanding the logic of the development of strategies for developing forecasts is implemented. Types of strategies inherent in traditional, industrial, and post-industrial societies are identified. The conclusion about the necessity of transition to a methodology based on the articulation of dynamic processes, rather than static states, in forecasting activities is substantiated.

Key words and word-combinations: methodology of forecasting activities, sociocultural identity, social change, images of the future, social time, social modeling.

В.Ю. Черемных, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: viktoriach2015@mail.ru)*

Л.С. Яковлев, *доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: lionel1801@bk.ru)*

РЕФЛЕКСИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОГНОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМОГО КРИЗИСА

Аннотация. Анализируются проблемы методологии прогнозной деятельности в связи с изменениями в практиках самоидентификации социумов. Реализуется генетический подход к осмыслению логик развития стратегий разработки прогнозов, с выделением типов стратегий, присущих традиционным, индустриальным, постиндустриальным обществам. Обосновывается вывод о необходимости перехода в прогнозной деятельности к методологии, основанной на артикуляции динамических процессов, а не статических состояний.

Ключевые слова и словосочетания: методология прогнозной деятельности, социокультурная самоидентификация, социальное изменение, образы будущего, социальное время, социальное моделирование.

Рассматриваемая проблема конструируется в смысловом пространстве социокультурных взаимодействий, связанных с самоидентификацией крупных социальных общностей, через продуцирование и включение в мотивацию социального поведения, прогнозов. Значимость этих взаимодействий определяется их глубокой интеграцией в процессы эволюции культурного мейнстрима, в формирование значимых для общества в целом проектов, в политическую жизнь, в пересмотр нормативных моделей поведения.

В современной научной литературе прогнозная тематика представлена достаточно широко, в различных аспектах. Методологии прогнозной деятельности посвящены общепублицистические публикации (работы К.С. Сердобинцева, А.И. Селиванова), историко-научные, посвященные методологии отраслевых прогнозов (труды О.О. Смирновой, М.А. Ткалич, Н.А. Парахонько, А.И. Подберезкина, М.В. Харкевич, И.И. Соколова, А.Ю. Сергиенко). В работах, где представлены конкретные прогнозы, вопросы методологии, разумеется, освещаются, но не эксплицируются, что присуще исследованиям Ф.Е. Апанасенко, А.Б. Каримовой, Е.А. Окуньковой, А.В. Кашеповой.

В целом степень научной разработанности данного круга проблем нельзя считать исчерпывающей. Как в публицистической, так и в некоторой степени в научной литературе, присутствует анализ «образов будущего», но он, как правило, представлен преимущественно на основе обращения к конкретным текстам различного типа, содержащим и научные прогнозы, и художественные, или визионерские. Разумеется, подобные тексты, поскольку они привлекают внимание общества, должны интерпретироваться в качестве отражающих в той или иной степени общественные представления. Но преувеличивать их реальную взаимосвязь с общественным мнением в большинстве случаев не следует.

Даже обращаясь к ситуациям, которые как будто можно оценивать в качестве демонстрирующих результат «овладения идеей массами», например, революция 1917 г. в России, можно убедиться в сложности, нелинейности такого рода связей. В частности, применительно к революционным событиям 1917 г. исторически достоверно показано, что подавляющее большинство их участников отнюдь не обладало глубоким знакомством с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса, где пролетарская революция проектировалась как неизбежное будущее [1, с. 34; 2]. Победившей партии большевиков, объединившей на весну 1917 г. немногим более 20 тыс. человек, придется после победы основательно заниматься марксистским просвещением масс, и это, несмотря на то что четверть века накануне революции партия занималась «внесением революционного сознания в массы».

Именно поэтому, если мы ставим задачу изучения рефлексивных практик, связанных с прогнозной деятельностью, следует использовать более

широкий угол зрения, привлекая не только содержащие целостные, завершённые образы будущего, тексты, но и материалы, позволяющие судить о понимании различными группами механизмов разработки прогнозов. Формированию потенциально продуктивного в данном случае подхода может способствовать генетический анализ.

Для традиционных обществ в основе механизмов самоидентификации лежали инструменты собственно традиции, в чистом виде, к числу которых относятся репродукции привычных форм поведения и сознания, затем к ним присоединились продукты мифологии и позднее — религии. При этом изначально ни образов будущего, ни образов прошлого эти механизмы не использовали. Традиция в идеале даже не столько предполагает циклическое время, сколько ориентирована на отрицании времени вообще. Время, как смена состояний, ее разрушает.

О мифологии, вернее мифологиях, в интересующем нас контексте неправомерно утверждать как о чем-то однородном. Мифологические комплексы различны по своим фундаментальным признакам, общее в них — лишь принципиальная логика интерпретаций Вселенной. Выделяются как мифологические картины мира, построенные на циклическом видении времени, так и предполагающие его линейную природу [3, с. 162]. Можно спорить, в какой мере христианство повлияло на эсхатологию германо-скандинавских мифов в их версиях, зафиксированных письменно и дошедших до нас, но наличие идеи рока в мифологии древнегреческой, равно как и отсутствие ее заимствования в монотеистических религиях, отрицать невозможно. Близкие по смыслу суждения можно вынести и относительно ряда мифологических систем Индии, Китая.

В целом можно констатировать, что развитые мифологии содержат представления о времени как процессе смены прошлого настоящим и будущим, а следовательно, служат основой для моделей динамичной самоидентификации. Однако, по суждению К. Леви-Стросса, они содержат принцип тотальной, всеобъемлющей, вненаучной, а по сути антинаучной причинности и не предполагают рефлексии на уровне логического осмысления. Миф даёт априорное объяснение всей совокупности явлений, не требуя их анализа.

Религии современного типа, складывание которых началось, по формуле К. Ясперса, в «осевое время», содержат в своей картине движения времени одно из базовых противоречий, совокупность которых, впрочем, и позволяет им на протяжении двух тысячелетий развиваться, сохраняя идентичность.

С одной стороны, для религиозного сознания, как в высшей степени точно формулирует П.Я. Чаадаев, «Бог времени не создал». Идея Бога-Творца отрицает развитие как Абсолют, заменяя его развёртыванием Промысла, поскольку Абсолютом в этой схеме является Сам Творец.

С другой стороны, все мировые религии эсхатологичны. Они предпо-

лагают участие человека в реализации Промысла (здесь мы оставляем в стороне возможную полемику о степени ортодоксальности кальвинизма и его последователей как вариации христианского вероисповедания, ограничиваясь отсылкой к постановлениям Вселенского собора, утвердившего предложенное Августином осуждение идей Пелагия [4, с. 106], а следовательно, потенциальное отрицание идей Ж. Кальвина). Так или иначе, человеческая история в данном типе миропонимания развертывается линейно и имеет временное измерение (хотя вектор времени в конечной точке обрывается вечностью).

Вместе с тем религиозное понимание времени, как и мифологическое, не предполагает научной рефлексии. Смысл истории в религиозном сознании известен от начала времен; завершением ее должно стать исполнение пророчеств, фундаментальное обновление мира, схема которого также известна от начала времен. Возникающая на этой основе рефлексия носит исключительно моральный характер. Все, что должен сделать человек, — осудить поведение греховное, покаяться, получить прощение и более не грешить.

Однако историческая перспектива данного типа осмысления социальной реальности в чистом виде была достаточно кратковременной. В ее основе лежали несколько упрощенные представления о мире, в существенной степени механистические. Классическая книга Ж.О. Ламетри «Человек-машина» может представляться неким условным преувеличением, равно как и тотальный детерминизм П.С. Лапласа, но появление подобного рода схем было естественным: раз мир познаваем, то познание может быть исчерпывающим и необходимо стремиться к построению исчерпывающих описаний реальности. Между тем предложенные описания оказывались недостаточными.

Кризис знания об обществе настал на полстолетия раньше кризиса в физике. В науках об обществе негласно доминировала установка на заимствование принципов естественных наук, формально закрепленная позднее в позитивизме, а затем в неопозитивизме Венского кружка, но подразумевавшаяся и О. Контом, и Э. Дюркгеймом. В то же время очевидной была и невозможность подобного полноценного заимствования, обусловленная отсутствием такого общего основания картины мира, каким для наук естественных была атомистика. Собственно, в подобном положении вещей заключается одна из причин популярности марксизма, предлагавшего, в отличие от других теоретических построений, исчерпывающую, завершенную концепцию. Но к последней четверти XIX столетия в научном сообществе накопилось достаточно критических подходов и к марксизму. В ту эпоху еще не была сформулирована оценка социологии как мультипарадигмальной науки, но де-факто она была таковой.

На этом фоне понятно состояние прогнозной деятельности, вплоть до первых десятилетий XX в. остававшейся близкой к донаучной. Попытки

среднесрочных и долгосрочных прогнозов, которые в тот период осуществлялись, не слишком радикально отличались методологически от прогнозов, публиковавшихся столетием ранее. Мир будущего рисовался на основании некоторых условных тезисов, акцентировавших те или иные тенденции развития. Внимательный анализ этих образов будущего показывает их внутреннюю противоречивость, слабую обоснованность приписываемых им характеристик. Суть не в том, что никто не предсказал реальных изменений, произошедших в дальнейшем, а в том, что их именно пытались предсказывать, а не выводить из анализа закономерностей развития.

Такое положение вещей становится понятным с учетом обстоятельств социальной обусловленности становления и развития прогнозной деятельности. На протяжении всего XIX и первой половины XX столетий она не была явно востребована ни властными структурами, ни коммерческими организациями, поэтому оставалась полем частной инициативы. Прогнозы Г. Уэллса обрели наибольшую популярность не только потому, что среди авторов, фиксировавших в виде текстов свои предвидения, он обладал явно наибольшим художественным даром, но потому, что он вполне осознанно стремился к художественной выразительности, поскольку собирался продавать именно художественные книги, и лишь по мере роста своей популярности начал рассматривать и другие возможности (аналогичным образом позднее вели себя А. Кларк, А. Азимов). Разумеется, в художественном тексте ни достоверность, ни, тем более, верифицируемость высказываний принципиального значения не имеет.

В действительности научное прогнозирование становится фактором, оказывающим влияние на практики принятия решений, лишь в XX столетии, в частности с 1930-х годов, а более масштабно — с 1960-х, что определяется субъективными факторами. Теоретическая система, претендовавшая на разработку полноценных прогнозов, существовала с середины XIX в., это марксизм. Однако признания в качестве таковой она довольно долго не получала, а когда получила, среди части управленческих элит это имело неоднозначные последствия.

Отторжение марксизма элитами в конце XIX — начале XX в. имеет простые объяснения. Прежде всего марксистские прогнозные практики были политизированными и основывались на формальном безусловном противопоставлении интересов собственно элит и большинства общества. Примечательно, что и в этих условиях определенная часть интеллектуалов, менеджеров, политиков, принимала марксистскую идеологию, что свидетельствует, впрочем, не столько об истинности последней, сколько об очевидной бесперспективности имевшихся идеологических альтернатив. Однако за пределами СССР, позднее — социалистической системы подобные подходы оставались маргинальными.

Кроме того, марксизм предлагал прогнозы слишком масштабные, не обладавшие необходимой для принятия управленческих решений конк-

ретизацией. Даже деятельность марксистских партий строилась на самых общих прогнозах: так, В.И. Ленин часто писал о мотивации конкретных тактических решений, обсуждал совершенные ошибки, но достаточно редко брался за долговременные стратегии. Ситуация существенным образом изменилась не непосредственно после революции, а лишь с принятием курса на строительство социализма в одной отдельно взятой стране.

Своеобразным искаженным отражением восприятия марксистской традиции стала идеология национал-социализма. Как пишет А. Туз, «Гитлер на основе текущих экономических тенденций уже в 1920-х годах предсказывал, что у европейских держав осталось всего несколько лет для того, чтобы сплотиться ради противостояния этому неизбежному исходу (экономической гегемонии США). Более того, Гитлер осознавал уже ощущавшуюся европейцами непреодолимую привлекательность образа жизни богатых американских потребителей» [5].

Конечно, в определенном смысле британский историк модернизирует рассуждения нацистского лидера, тем более что именно в британской университетской науке воздействие марксизма в последние полвека весьма заметно. Но эти положения вполне согласуются с высказанными совершенно с иных позиций оценками Ф.А. фон Хайека, полагавшего, что экономический строй фашистской Германии есть не что иное, как порождение социалистического мировоззрения, требующего введения централизованного командного планирования и максимально возможного обобществления средств производства [6, с. 179]. И в том, и в другом случае главной угрозой для нацизма оказывается альтернатива, связанная с переходом к обществу потребления. И если для Маркса и Энгельса собственно содержание нацистской идеологии было бы неприемлемо, правомерность подобного методологического подхода они могли бы признать.

Руководство третьего рейха полагало себя вправе игнорировать интересы, базировавшиеся на праве собственности, и осуществлять планирование экономики практически на том же уровне, какой был возможен при ее формальном подчинении государству. «Фашистские правительства одобряли погоню за частнопредпринимательской прибылью и давали значительные поблажки крупным корпорациям, требуя взамен, чтобы вся их экономическая деятельность служила государственным интересам» [7, с. 60–61]. Разумеется, такие действия оправдывались мобилизационным подходом, подчинением всей жизни страны задачам подготовки к войне, но нас в данном случае интересуют не цели, а технологии конструирования будущего.

В плане идеологическом нацизм, разумеется, дистанцировался от марксизма. «Национал-социализм — вот чем мог бы стать марксизм, если бы отбросил все бредовые идеи о демократии... Зачем социализировать банки и заводы? Мы социализируем человеческие души», — говорил Гитлер, по сути, признавая собственную установку на манипулирование сознанием

масс [8, с. 137]. Ничем подобным подлинный марксизм стать не мог, потому что в основе его лежат тезисы о материальной основе общества, классовых интересах, общем кризисе капитализма. Однако в подходе к планированию экономики можно найти нечто общее между тем, что делалось в СССР и Германии [9, с. 353; 10], а, впрочем, и в США 1930-х годов. Речь идет о концентрации внимания на хозяйственном балансе — использовании в новых условиях некоторых базовых принципов камерализма в духе Ф.Л. фон Зекендорфа, И.Г. фон Юсти.

С середины XX столетия прогнозная деятельность начинает институционализироваться повсеместно. Авторы прогнозов адресуются уже не к абстрактной широкой аудитории, а к конкретному заказчику. В этом случае важно не создать эмоциональное впечатление, а продемонстрировать обоснованность прогноза. Именно этим определяется ориентация на математические методы как на самое очевидное средство обоснования достоверности выводов.

Прямым следствием такой переориентации становится изменение пространства прогноза. Авторы прогнозов вынуждены ставить проблемы таким образом, чтобы имелась принципиальная возможность построения математических моделей. Ориентация на краткосрочные прогнозы с осторожным отношением к среднесрочным и с практическим отказом от долгосрочных — лишь наиболее очевидное проявление такой позиции. Еще более существенное значение, однако, имеет конкретизация тематики.

Так, И.В. Бестужев-Лада фиксирует определяющими мейнстрим конца XX столетия такие темы, как прогнозы в сфере экологической социологии, социологии расселения, социологии культуры, социологии медицины, социологии науки, социологии труда [11, с. 82]. Разумеется, из всего этого складывается комплексный образ будущего, но лишь на уровне генерализации, которую ведущий на тот период специалист в данной области осуществляет в учебных целях. Исследовательские практики были связаны с существенно более узкими тематиками. Собственно, даже вошедшие в историю доклады Римского клуба представляли собой лишь обзоры среднесрочных экологических последствий реализации отдельных действующих в индустриальной экономике тенденций.

Параллельно с этим самостоятельно продолжает существовать прогнозная деятельность, сохраняющая генетическую преемственность с предсказаниями будущего, какими они были до середины XX в. Разумеется, спектр такого рода прогнозов весьма широк — от «откровений» Ванги или Глобы до журналистских интервью с деятелями науки, включая занимающихся прогнозированием профессионально. Однако ориентирована она на конструирование относительно целостных (или выделяющих общественно значимые характеристики) образов будущего. При этом самостоятельное значение приобретает субъективный фактор, поскольку речь идет, собственно, о продуцировании экспертных оценок, обоснование которых остается «за кадром».

В том же направлении влияли на систему общественных представлений о прогнозной деятельности и практики социалистического планирования. В публицистике до сих пор можно встретить убежденность в безусловных преимуществах плановой системы над рыночной. Не идеализируя последнюю, отметим следующее. Кризис системы планирования в СССР вполне ясно осознавался уже в начале 1950-х годов, и, как только политическая ситуация позволила, осуществляются первые попытки реформ (прежде всего в области управления сельским хозяйством). При этом «материальное» планирование сталкивалось с технической невозможностью оперативно управлять производством стремительно растущей номенклатуры изделий. Попыткой решения проблемы были инициативы академика В.М. Глушкова, реализовавшиеся в систему ОГАС (общегосударственную автоматизированную сеть). Анализ совокупности факторов, обусловивших провал ее внедрения, лежит за пределами данного изложения. Подчеркнем лишь, что этот провал закрепил как безальтернативную идею директивного планирования, в принципе не ориентированного на выстраивание сложной системы балансов, а исходящего из примитивного силового обеспечения волюнтаристски поставленных в качестве необходимых задач.

Этот сомнительный принцип реализовывался не только в СССР, он был воспринят властными структурами по всему миру. Результатом стали практики масштабных проектов, ресурсная обеспеченность которых оценивалась крайне приблизительно, в результате чего затраты оказывались часто многократно превышающими первоначальные ориентировки. В итоге наряду с дисбалансами в мировой экономике в массовом сознании получили распространение представления о возможности свободно оперировать образами желаемого будущего, используя их в качестве целевых ориентиров безотносительно к располагаемым реальным возможностям.

Наблюдается некоторое противоречие в том, что, за последние два десятилетия, с одной стороны, существенно усложнились, стали более развитыми технологии прогнозной деятельности, а с другой — влияние научных прогнозов на принятие управленческих решений стало представляться существенно более сомнительной с точки зрения успешности процедурой. На самом деле парадокса здесь нет, если принять во внимание первичность степени востребованности прогнозов. Структуры, связанные с принятием решений, обращаются за прогнозами в среднем даже чаще, чем несколько десятилетий назад, но их ожидания в отношении результатов стали менее оптимистичными. Такое положение дел становится одним из факторов, стимулирующих совершенствование методологии прогнозной деятельности. Эффекта, однако, это не дает, субъективный фактор оказывается решающим.

Наиболее простым путем к пониманию причин подобной низкой практической эффективности развития прогностики является обращение к самому процессу изменения ее методологии. Поскольку он обусловлен

в существенной мере именно трудностями маркетинга услуг прогностики, очевидно, в нем существенное место будет занимать приспособление к ожиданиям потенциальных заказчиков. С позиций здравого смысла ожидания эти должны быть связаны с повышением достоверности прогнозов. Однако анализ реальных тенденций эволюции методологии прогностики подтверждает, что они определяются несколько иными аспектами.

Прежде всего еще раз подчеркнем: прогнозирование инкорпорировано в любую деятельность вообще, в том числе вовсе не обязательно высокоорганизованную. Оставляя в стороне вопрос о возможности приписывать характеристику субъектности абсолютно всякому действию, имеющий, скорее, общефилософский, нежели практический, смысл, ограничимся очевидным соображением относительно присутствия рефлексии, пусть не всегда достаточно развитой, во всякой человеческой деятельности. Индивиду, если речь не идет о ситуации глубокого психического расстройства, свойственно делать предположения о возможных результатах своих действий. Сложнее обстоит дело с социальными группами — как малыми, так и крупными. Трудности связаны с тем, что коллективная субъектность существовать не может, а сумма индивидуальных интенций далеко не всегда оформляется в непротиворечивое целое. Именно поэтому на ранних стадиях развития человеческих обществ практики предсказаний индивидуальных судеб более распространены, чем попытки предвидения событий, значимых для сообществ в целом. Последние наблюдались, как правило, в тех случаях, когда могли быть персонифицированы (обращение военного вождя или предводителя охотничьей партии к шаману за предсказаниями результата экспедиции). Позднее в ранних государствах получают распространение эсхатологические прогнозы, сопряженные с попытками непосредственно магически управлять отдельными параметрами будущего с использованием фигуры царя-бога в качестве медиатора [12, с. 232]. Однако такого рода попытки заглянуть в будущее не только не могут полагаться предшествующими по отношению к научному прогнозированию этапами прогнозной деятельности, но, напротив, научному прогнозированию прямо противоположны.

В основе пророческой деятельности шаманов, гадалок, авгуров, пророков, и прочих предсказателей лежит незыблемое представление о реальности будущего. При этом не имеют решающего значения принципиальные различия физической основы такого представления. Предсказатель может верить в трансцендентную реальность будущего, его сосуществование с настоящим; во всемогущество потусторонних сил, вольных обустроить мир точно по задуманному ими плану, которым эти силы делятся с пророком; в цикличность времени, обеспечивающую доскональное повторение событий, для предсказания которых поэтому достаточно знать прошлое. Все эти схемы при их несовместимости между собой строятся в смысловых пространствах, коренным образом отличающихся от пространства, в котором формируются научные прогнозы.

Научный прогноз начинается с представления о будущем как результате действия множества тенденций, уже сложившихся, начинающихся складываться, потенциально возможных. Будущее — формируемая, изменчивая реальность, которую нельзя «увидеть», потому что ее еще нет, создаваемая в определенной степени нашими действиями. На подобной универсальной методологической платформе могут быть выстроены различные прогнозные технологии. Собственно научное прогнозирование как вид деятельности оформилось первоначально с использованием простых математических моделей. Именно так осуществлялось советское народно-хозяйственное планирование, по мнению части экспертного сообщества и сегодня сохраняющее значение образца. Но советский опыт содержит в себе собственную критику, достаточно вспомнить, в связи с какими обстоятельствами советское руководство вынуждено было, в середине 1960-х годов осуществить глубокие изменения в принципах экономической политики. Основной причиной была именно технологическая невозможность построения балансов, которыми увязывались в единую систему отрасли и отдельные производства. Именно поэтому получил на первом этапе столь мощную поддержку в высших органах власти проект В.М. Глушкова ОГАС, а затем, когда по ряду причин этот проект де-факто был свернут, произошло не возвращение к привычным практикам планирования, а попытка осуществить хозяйственную реформу.

На протяжении 1960-х годов шло достаточно быстрое усложнение математических моделей, использовавшихся для описания процессов изменений, являющихся предметом прогнозирования. Сегодня наиболее масштабным их применение оказывается в практиках ВРА и систем Workflow. При этом, если Workflow менеджмент (управление потоком работ) обеспечивает координацию повторяющихся задач и процедур, концепция BPM (управление бизнес-процессами, на программном уровне реализованы в BizAgi, ELMA BPM, Oracle BPM Suite) фокусируется не на исполнителях или задачах, а на бизнес-процессах и их взаимодействии. BPM, так же как и Workflow, включает управление потоками работ, то есть предполагает реализацию прогнозных функций.

Наконец, ВРА (программный уровень реализации — Fox Manager, Business Studio, ARIS) — системы бизнес-моделирования — предполагают создание статичных моделей, не предполагающих применения в режиме реального времени, но именно поэтому удобных с точки зрения создания описаний, которые потенциально могут быть использованы в системном моделировании. Осуществляемая этими средствами формализация бизнес-процессов способствовала становлению парадигмы управленческого мышления, ориентированной не только на представление будущего как системы графов, последовательностей, но и как *желаемого* будущего. Точно так же, как комплекс бизнес-процессов в организации имеет вполне определенные цели, может быть описан телеологически, с точки зрения

результата, управление социальными общностями может трактоваться применительно к некоторым целям, лежащим вне пространства, которое может быть построено системами представлений, ожиданий, интенций составляющих их индивидов. Естественно, субъект управления всегда отделял себя от руководимого социума, но, если в традиционных обществах дистанция власти обосновывалась некими особыми правами этого субъекта, сегодня концепции «управляемой демократии» артикулируют в качестве основания для отчуждения власти от общества прагматический критерий целесообразности принимаемых решений.

Упомянутые решения типичны не только для бизнес-среды. Аналогичные модели используются властными структурами различных стран при планировании внешнеполитических операций, адаптируются к проектам в области внутренней политики. Вместе с тем в аналогичных случаях речь идет главным образом об использовании технологий манипуляции, воздействия на отдельные группы и лиц. По самой своей природе такие стратегии мало пригодны для оперирования с массовым сознанием, для работы с ним используются более традиционные схемы, прежде всего оперирующие историческими последовательностями. В подобных конструкциях будущее представляется как некое продолжение прошлого, так или иначе связанное с действующими ныне тенденциями. Упор при этом делается на сохранение социокультурной идентичности крупных сообществ.

Характерную позицию формулирует популярный блогер Л. Вайнштейн. Он утверждает, что современные общества утрачивают те основы, на которых они строились, отказываются от свободы во имя безопасности, из страха перед рисками, при этом обесцениваются естественные основы человеческой жизни [13]. Разумеется, здесь возникает очевидная аналогия с интервью Г. Бёлля «Каждый день умирает частичка свободы» [14]. Но Л. Вайнштейн более прямолинеен. По сути, рассуждая о США, он вполне откровенно отстаивает либертарианский идеал: мы приехали в эту страну, заработали деньги, хотим пользоваться своими преимуществами, и нам нет дела до всех этих бунтовщиков, демонстрантов, феминисток, они нам мешают, пусть ими займется полиция. Г. Бёль искажает перспективу: люди не были свободнее, чем сейчас, ни в викторианскую эпоху, ни в век германских «штюрмеров», ни во времена Мюнцера или Тридцатилетней войны. Л. Вайнштейн просто подменяет понятия. Свобода и отказ от всякого регулирования рыночных отношений — не одно и то же. Стремление заниматься бизнесом не есть единственное стремление человека.

Пример гипертрофированной ориентации на макроанализ дает и К. Сивков. Интересен его диалог с И. Шишкиным [15], показательный в плане инкорпорации высказываемых идей в некую общую смысловую среду. К. Сивков конструирует возможную среднесрочную перспективу «переноса центра глобализма» в Россию, мотивируя такую возможность рассуждениями самого общего плана, касающимися политического кризиса в США и неспособ-

ности сыграть роль мирового центра глобализма Евросоюза, Японии, Китая. Зато Россия представляется ему как раз таким потенциальным центром, поскольку обладает ядерным потенциалом, мощной военной промышленностью и готовностью населения к военной мобилизации. «Глобалисты» могут, использовав для захвата власти фигуру кого-либо из династии Романовых, подчинить Российскую Федерацию и превратить ее в свой ресурс. Соглашаясь с этим, И. Шишкин добавляет: а еще есть проект «новой Хазарии» и израильский след.

Оставляя в стороне конспирологические аспекты этой конструкции, обратим внимание на принципиальные методологические отличия такого подхода к прогнозированию от прогнозирования научного. Научный анализ должен был бы включать реальную оценку вероятности каждого из выдвинутых К. Сивковым тезисов.

Выделим в качестве модельного один — военно-мобилизационный потенциал русского народа. Этот потенциал не есть абстракция. Очевидна разница между культурами, находившимися на стадии «военной демократии», и развитыми цивилизациями. Народы гуннов, франков, готов имели столько готовых к походу воинов, сколько было способного держать оружие мужского населения. Однако даже в современных им цивилизациях Китая или Средиземноморья положение вещей было совершенно иным, никакого всеобщего ополчения на историческом этапе соприкосновения с «северными варварами» уже не существовало в отличие от более ранних исторических периодов. В современных же обществах не случайно постоянно обсуждается, а в большинстве случаев внедряется модель постоянной армии. Полагать, будто мобилизационный потенциал, показанный советским народом в условиях Великой Отечественной войны, является некой константой, готовой к услугам любой власти, в любое время, крайне странно. В русском народе, как любом другом, есть относительно небольшая группа мужчин (а отчасти и женщин), воспринимающих войну как призвание; есть группы маргиналов, не склонных жить честным трудом и оттого готовых примкнуть к любой военной авантюре; есть масса людей, воевать ни с кем не желающих, но встающих на защиту себя и своих близких, когда нет иного выхода; есть группа пассионариев, готовых отдать жизнь во имя идеи; есть какое-то число пацифистов, которых побудить взяться за оружие крайне сложно. Соотношение этих групп решающим образом зависит от ситуации: одно дело, когда сытые и хорошо одетые люди призывают народ идти отвоевывать заморские земли, и совсем другое — когда танки вермахта стоят в полусотне километров от Москвы. Рассчитать возникающие возможности с той или иной погрешностью можно, только это надо хотя бы начать делать.

Безусловно, в сравнении со схемами, возникающими в смысловом пространстве, конфигурируемом мультипарадигмальным подходом и заурядным волонтаризмом, концепции С.Б. Переслегина выглядят выигрышно.

Типичен в этом отношении использованный им кейс октябрьской 2020 г. киргизской революции. Комментируя распространенные в российских СМИ высказывания относительно характера этих событий, С. Переслегин дает этим высказываниям ироническую оценку. Действительно, попытки вписать события в Киргизии в некий общий сценарий, включающий также политический кризис в Беларуси и военные действия в Нагорном Карабахе, выглядят достаточно примитивно. Видеть во всех этих процессах результат внешнеполитических усилий США (а отдельные конспирологи пытаются даже усмотреть в этих усилиях инициативу исключительно политических противников Д. Трампа в американском истеблишменте), по крайней мере, наивно.

Только проецируя на современную ситуацию советско-американское противостояние 1950–1970-х годов, можно рассуждать о любых социальных процессах в различных регионах как «цветных революциях», направленных на ослабление международных позиций России. Между тем не только Россия — не СССР как в отношении собственного веса на международной арене, так и в отношении позиции лидера того, что именовалось «социалистическим лагерем», объединявшим треть населения планеты, но и США сегодня — не та страна, которая была безоговорочным лидером консолидированного военно-политического блока, противостоявшего как целое «коммунистической угрозе». Следовательно, «объяснения», сводящие события в Кыргызстане к результату манипулирования населением этой страны со стороны американских спецслужб, ценности не представляют.

Критика подобных соображений ведется С. Переслегиным с позиций собственной целостной методологической программы, где современное положение дел в Кыргызстане рассматривается в контексте истории кыргызского народа прежде всего. С. Переслегин утверждает, что это едва ли не уникальный сегодня случай «цивилизации памяти», народа, объединенного на протяжении двух тысячелетий в отсутствие собственной государственности и письменности, исключительно устной традицией. Тонкий слой индустриальной культуры здесь покрывают мощные пласты архаики, при каждой возможности выходящие на поверхность. Именно поэтому попытки американских или иных спецслужб «раскачать ситуацию» здесь не могли иметь успеха, поскольку в этих условиях нет смысла воздействовать на процессы, определяющие логику социальных отношений в индустриальных обществах.

В принципе эта аргументация даже логически не представляется безупречной. Столетие назад Лоуренс Аравийский сумел повлиять в нужном для Великобритании направлении на политические последствия процессов, происходивших в архаических обществах арабских областей турецкой империи; сходные ситуации повторялись неоднократно на протяжении XX столетия в странах Африки, где также под тончайшим слоем индус-

триальной культуры сохранялись определяющие социальные отношения пласты архаики. Но в данном случае интерес представляет не частный вывод, а лежащая в его основе методологическая конструкция.

С. Переслегин утверждает, что в силу сочетания внутренних и внешних факторов перед Кыргызстаном стоял в свое время выбор: стать ценой огромных жертв (как, например, в Казахстане) на путь модернизации, то есть разрушения привычного уклада, перехода к новой фазе развития, или законсервировать архаику под формальным прикрытием декоративной европейской культуры, советской идеологии, имитационной демократии. Аналогичный выбор стоит перед ним и сегодня — начать все же модернизацию или избрать собственную линию развития, к подробной характеристике которой С. Переслегин не обращается [16].

Слабое место этого теоретического построения — представление кыргызского народа в виде универсального единого субъекта, осуществляющего некий выбор. Здесь действительно реализуется архаический методологический принцип, использовавшийся в эпоху великого переселения народов, Иорданом, Павлом Диаконом, Григорием Турским. Они писали истории готов, лангобардов, франков, не дифференцируя народы на структурные составляющие. Но даже тогда эти народы отнюдь не были единым целым, выделялась родовая и военная аристократия, шло расслоение и среди свободных общинников. Кыргызский же народ, до тех пор пока его основная масса будет воспринимать клановое соперничество как главный смысл социальных отношений, свое развитие будет подменять круговоротом, «дурной бесконечностью» государственных переворотов, маскируемых под демократические процессы волеизъявления масс.

В другом случае С. Переслегин осознанно строит прогноз цен на нефть на трендах, гармониках, частотах, привязывая эти цены к динамике цен на золото: конкретные факты лишь маскируют фундаментальные процессы. Осуществляется, собственно, элементарный счет по большим ритмам. Более того, он однозначно противопоставляет в структуре прогнозной платформы логическую функцию, сводимую к анализу трендов, оперированию с имеющимися тенденциями и функцию «оракула», в которой и реализуется поиск новых возможностей. В ряде случаев подобный анализ ритмов сводится к предельно элементарным операциям с солнечной активностью или «волнами Кондратьева» [17].

Среди наиболее характерных примеров данного типа следует назвать и деятельность И.Р. Тошакова, успешного трейдера, получившего известность прежде всего своими оценками предстоящих на рынках ценных бумаг изменений. Подчеркнем, что сам он дистанцируется от прогнозной деятельности как таковой, заявляя, что занимается не прогнозами, а бизнесом. При этом он не только ведет курсы по обучению трейдерским операциям, но и уделяет внимание продвижению своих методик анализа тенденций рынков, которые именует научными. Основываются они на

графическом представлении колебаний рынка. И.Р. Тошаков утверждает, что его методика позволяет предсказывать социальное поведение, причем безотносительно к осмыслению его самими субъектами; в частности, так он предвидел Brexit [18].

В данном контексте вспомним, как функционировали оракулы в Древней Греции, из культуры которой это понятие пришло в современную реальность. Коллегия жрецов фиксировала и комментировала (далеко не всегда) пророчества находившихся в наркотическом опьянении пифий — специально подбираемых жриц, устами которых якобы вещал бог Аполлон. Пророчества интегрировали через смешение конструктов в измененном сознании некие наборы предположений, слухов, фантазий. Это, конечно, лучше, чем бросать жребий, как было принято во многих культурах при гадании, или доверять свое будущее толкованиям полета орлов, узорам внутренностей жертвенных животных, раскладу рун, но вряд ли подобный подход может устроить современное общество. «Существующие техники стратегирования и прогнозирования не работают», — констатирует С. Переслегин.

Как справедливо замечает А. Сегал, в прогнозной деятельности присутствует методологическая ошибка: мы воспринимаем будущее как нечто уже существующее, имеющее определенные характеристики и сводим, неявно, собственную задачу к тому, чтобы угадать из заданных вариантов будущего тот, который осуществится [19; 20]. Однако автор не делает следующего шага к выяснению достаточно очевидных причин данного явления: мышление осуществляющих прогнозы оказывается не способно видеть настоящее, как уже не существующее, без чего взгляд в будущее невозможен в принципе, потому что настоящее является для них материалом, их одновременное сосуществование невозможно логически. Вследствие этого будущее начинает восприниматься как некое параллельное состояние мира, наделяется собственным бытием.

Прогнозную деятельность в методологическом плане существенным образом осложняет сложившаяся установка на восприятие времени как последовательности сменяющихся друг друга дискретных состояний. При этом в прогнозных описаниях, естественно, артикулируются характеристики состояний, а не процессов. Между тем стадии любых процессов есть не более, чем условность, оперирование допускающими дискретные описания их характеристиками. Важно увидеть в этих операциях именно условность, непременно переходя от них к динамическим описаниям. Прогноз должен быть ориентирован не на описание ожидаемых через какое-то время состояний, а на выявление тенденций.

Библиографический список

1. *Булдаков В.П.* Путь к Октябрю // Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? / под ред. П.В. Волобуева. М., 1991.

2. Бутенко А.П. Правда и ложь о революциях 1917 года // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 30–47.
3. Пилипенко Е.А. Концепт мифологического времени // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6 (51). С. 162–168.
4. Астапов С.Н. Предопределение и провидение: философская экспликация богословских позиций // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1 (57). С. 104–110.
5. Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2018/08/04/ekonomika-samounichtozheniya-britanskiy-istorik-protiv-nacistskih-mifov>
6. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 2005.
7. De Grand, Alexander J. Fascist Italy and Nazi Germany. London: Routledge, 1995.
8. Carsten, Francis Ludwig. The Rise of Fascism. University of California Press (англ., русск.), 1982.
9. Баев В.Г. Экономическая конституция нацистской Германии // Lex Russica. 2017. № 4, апр. С. 120–132.
10. Попов Г.Г. Хозяйственный порядок при нацистском режиме в Германии: социализм, кейнсианство или консерватизм? // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 2. С. 351–368.
11. Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование: курс лекций. М., 2002.
12. Кэмпбелл Д. Герой с тысячью лицами: Миф. Архетип. Бессознательное / ред. И. Старых; пер. с англ. К. Семенов. СПб., 1997.
13. Weinstein Leon. В первые 4 месяца 2020 г. умерло меньше американцев, чем в тот же период 2018 г. // YouTube. 2020. July 8. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sZEFnrgwcbnw>
14. Интервью западногерманской журналистке Маргарет Лимберг от 11 июня 1985 г., которое еженедельник «Цайт» опубликовал после смерти писателя (№ 31, 26 июля). Белль Г. Каждый день умирает частица свободы / пер. с нем.; сост. Е.А. Кацева; предисл. Т.Л. Мотылевой; коммент. А.А. Гугнина, А.В. Карельского. М., 1989.
15. Транснационалы меняют логово. Куда теперь двинутся глобальные финансовые кочевники / К. Сивков // YouTube 2020. July 10. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vtqYLBKZ8Vw>
16. Революция в Киргизии / С. Переслегин // YouTube 2020. Oct. 9. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=euibBn4r-d0>
17. Нефть и экономика / С. Переслегин // YouTube. 2020. Oct. 8. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UZwyHqYdzlw>
18. Тоцаков И.Р. Геометрия финансовых рынков. // Аврора. URL: <https://aurora.network/articles/183-sobytiya/80208-geometrija-finansovykh-rynkov-igor-toshhakov>
19. Сегал А.П. Опережая время: Памяти А.М. Гендина // Сибирский учитель. 2016. № 6 (109), дек.
20. Сегал А.П. Прогноз как технология PR. URL: https://www.academia.edu/30886321/Прогноз_как_технология_PR